

Лети, лепесток

Хина Мотидзуки

**автоответчик* - Здравствуйте, вы позвонили на адрес 608-181, Аои-ку, Сидзуока, Судзуки Кацухико. К сожалению, в данный момент я не могу ответить на ваш звонок. Пожалуйста, оставьте своё сообщение после сигнала или перезвоните позже в удобное для вас время. Приношу извинения на неудобства.*

- Здравствуйте, уважаемый Судзуки. Вас беспокоит Катаяма Хидео, государственная начальная школа Иномиякита, руководитель класса 4-1, где учится ваша дочь. Очень не хотелось бы вас огорчать, но должен уведомить, что Судзуки Сан сегодня в очередной раз дважды грубо нарушила школьные правила: опоздала на занятия и устроила на стадионе драку с одноклассником во время обеденного перерыва. Родители пострадавшего мальчика придут в школу к 19:00, для урегулирования ситуации требуется ваше личное присутствие. Учитывая аналогичные инциденты, уже имевшие место быть, вынужден наложить на Судзуки дисциплинарное взыскание в виде недельного отстранения от занятий, а также порекомендовать вам поговорить с дочерью: последующие рецидивы могут привести к домашнему аресту вне учебного времени или даже исключению Сан из школы. Прошу, поймите меня правильно. Всего доброго.

И ведь снятся же иногда невероятно реалистичные сны... не сразу поймёшь даже, что это лишь скомканные картинки, генерируемые отдыхающим после прошедшего дня мозгом. А стоит только, очнувшись спросонья и окончательно сбросив с себя оковы Морфея, окинуть взглядом монастырскую комнатку, где соседки так до сих пор и не появилось - расплывчатые образы сухими опавшими листьями на ветру стремительно ускользают из памяти, точно и не было их вовсе лишь несколько мгновений назад.

Можно даже не выглядывать в окно и не пытаться определить время: и без того очевидно, что Хидна в который раз - не первый, не второй и не десятый, - проспала завтрак и все ежедневные бытовые задания, коими она обязана заниматься наравне со всеми, за что "сове" в последней стадии совизма уже неоднократно влетало. Только бы Бо-сенсей на глаза не попасться, выходя на улицу... бррр. Сребровласая суровая воительница устроит такую головомойку, что Мотидзуки-сану будет стыдно на глаза показываться.

После судьбоносного знакомства с молодым человеком по имени Мотидзуки Джун, внезапно приведшего к метаморфозе безымянной Хидны в Хину - да ещё получившей настоящую фамилию! - последняя обзавелась новой привычкой: чуть что хвататься за приобретённый на деревенском базаре нехитрый набор для письма, ради обладания которым пришлось целый вечер драить зал в закусочной, и использовать его по назначению когда надо и не надо. Вот и сейчас девушка, не рискнувшая красться на кухню в поисках съестного - проще и куда безопаснее дожидаться обеда, - решает пока повидаться с сенсеем и, старательно намалевав на

одном из заготовленных листочков для самостоятельных занятий офуда нужные ханьцзы, держит в уме образ Джуна и осторожно выглядывает из-за двери. Чисто, опасности нет. "Компас" отправляется в полёт уже отработанным броском; не отрывая от него сосредоточенного взгляда, Судзуки торопливо забирается в кроссовки и спешит за ним, сжимая в руках заветную деревянную коробочку.

И минуты не проходит, как становится понятно - что-то пошло не так. Хафу, следующая за бодро планирующим, аккуратно вырезанным клочком бумаги, не приближается к корпусу мастеров или семейным домикам, где искомому Мотидзуки по идее надлежит находиться, а, наоборот, удаляется от них. Нет, конечно, Мотидзуки-сан мог и в деревню уйти, и в главное здание Храма, или ещё куда в юго-восточном направлении... Тут офуда развеивает все сомнения, попросту падая на землю рядом с одним из мостиков, переброшенных через ручей, разделяющий территорию монастыря почти пополам. Озадаченная Сан, склонившись, подняла бумажку, почему-то не рассыпавшуюся в пыль, с земли и ненадолго подвисла, думая, что делать дальше: искать ли наставника своими силами, без помощи давшего сбой магического компаса, или же вернуться в практически пустую келью и начать всё сначала.

Яреци Фернандез

Если раньше жизнь в монастыре приносила хоть что-то положительное, то сейчас в этом бесполезном существовании на "земле обитованной" не приносило никакой радости. Яреци поселилась в одной незанятой комнате в корпусе обитателей и мастеров и каждый день с какой-то грустью и тоской смотрела на дом, в котором они жили когда-то с Тору. Иногда смотрела на него с ненавистью, считая, что Тору был виноват в том, что их семейная жизнь полетела в тартарары. Мало того, что он просто развелся с ней, когда она случайно оступилась, так еще и забрал дочь. То, что в последний раз она сама ушла, оставив кольцо и написав "прощай", было, по мнению Яреци, вторично. Первичным было отношение Тору к ней. Он сам был виноват в том, что она забеременела так рано. Она не была готова становиться матерью, она не любила дочь. Иногда не любила.

Яреци вышла из своей маленькой комнаты и направилась по территории. Последнее время - она не помнила, сколько, - она ни с кем не разговаривала, кроме новой обительницы, которую случайно встретила у ворот. Пару раз она видела Джунс, который был затычкой во всех бочках. Все Мотидзуки как затычки. Вот и ее заткнули. Действительно, на что она надеялась, узнав о своей беременности? Убить ребенка она бы никогда не смогла, хоть и не считала сгусток клеток живым человеком. Но эти Мотидзуки никогда бы не отдали ей ребенка. Конечно, Яреци же просто европейская подстилка. Что еще умеют европейские шлюхи, как не расставлять ноги перед правильными и спокойными японцами?

Яреци фыркнула и подняла голову. В этот момент она чуть не столкнулась с девушкой японской и еще какой-то внешности. Метис. Японка. Яреци снова фыркнула.

- Добрый день, - не слишком дружелюбно сказала она. - Вы долго будете стоять на мосту? Вы тут как бы не одна живете.

Хина Мотидзуки

Много времени на размышления о природе явления, с которым она ещё не сталкивалась, Хидне не дали: девушка неопределённого возраста умудрилась подойти незамеченной, пользуясь тем, что живое долговязое препятствие на пути полностью поглощено обработкой единственно важной сейчас проблемы и поиском её решения. Младшая Судзуки никогда не была беспокойной, навряд ли самой старшей сестрички - до определённого возраста нервно оборачивающейся на каждый звук позади, - но и она, в силу некоторых обстоятельств далёкого и стёртого ныне прошлого, привыкла держать себя готовой к неожиданностям. Годы в монастыре, идиллическом и совершенно безопасном месте, не прошли даром и заметно расслабили.

- А? Тут вот... небольшая авария, - задумчиво брякнула Сан, достаивая незнакомку вниманием, по большей части заключающимся в брошенном на неё коротком вежливом взгляде: специфические черты придают флегматичной физиономии хафу выражение, часто ошибочно истолковываемое людьми со стороны как равнодушное, высокомерное или даже жестокое. Впрочем, через мгновение Хидна сочла проявленные знаки уважения недостаточными, слегка запоздало отвесила положенный поклон, посторонилась и представилась: - Простите, да. Мотидзуки Хина. Вы здесь новенькая? Могу я узнать ваше имя?

Ужасной памятью на лица Сан не страдает: с подавляющим большинством обитателей Линь Ян Шо она не знакома, но так или иначе знает людей в лицо, а эта девушка абсолютно точно встречается младшей Судзуки впервые. Новичок? Вряд ли. Скорее всего, девушку подселили бы именно в комнату к одиночке. Но если по какой-либо причине случилось иначе и полукровка сейчас ошибается, то не объяснять же с места в карьер, мол, "у меня тут офуда сломалась", в самом деле... Неизвестно, как та относится к существованию магии. Не хватало ещё напугать предполагаемую европейку, пока безымянную - она и без того чем-то всерьёз недовольна.

Яреци Фернандез

Когда девушка представилась, Яреци вздрогнула. Мотидзуки? Однофамилица Тору и его семьи? Дочь кого-то? Насколько она знала, у Мотидзуки есть только одна девочка - ее дочь, которую Тору забрал себе. Больше девочек в этой семье не было. Что-то Яреци подсказывало, что эта Хина не однофамилица. Но чья она жена?

У Тору есть два брата - Шотаро и Рюхей. У сына Рюхей, или как его там зовут, есть сын, она не помнит его имя, когда-то у них родился свой сын. Тот еще мелкий, вроде чуть младше Кимико. Или старше. Не суть. Он еще мелкий и не может быть мужем этой девушки, у которой сломалась офуда. Второй брат - Шотаро. У него есть два сына. Один вроде женат на Маргарите, а Джун... Вероятно, со своими призраками Джун решил сделаться многоженцем.

- Вы жена Мотидзуки Джуна? - Спросила девушка заметив, что Хина подвинулась, но не сделала и шага. - У него же женой была Доминика. Или он ее бросил и решил с вами жить? - Яреци фыркнула. Интересно, все Мотидзуки такие? Если что-то не по ним, то сразу бросают своих жен?

Постояв немного, девушка посмотрела на листок, который был офуда, и пожалала плечами. Затем перевела взгляд на собеседницу.

- Яреци. Фернандез. - Просто сказала она. - Я давно здесь. Уезжала, потом вернулась.

Хина Мотидзуки

Если так подумать, приёмная полукровка, новичок в рядах семейства Мотидзуки, задумавшись, и впрямь перегородила собой наведённый переход на противоположный берег, заслужив замечание; с другой стороны, по мнению самой Хидны - всегда перебиравшейся по мостикам через монастырский ручей с великой осторожностью, не отдавая себе отчёт, почему же так в эти мгновения сосредоточена, - для свободного прохода мимо неё оставалось вполне достаточно места, и можно было ограничиться взаимными кивками, молча разойдясь. А может быть, не поделившие мост могли даже познакомиться и просто поболтать, перетереть целлюлозные жилы непослушному листу офуда и посмеяться над ним, по ходу дела обретая в лице друг друга новых приятных знакомых. Но у остановившейся черноволосой, очевидно, свой план развития событий. Нет, познакомиться-то познакомились, да и поболтали, если можно так выразиться, тоже. Только вот...

Через несколько секунд полукровку, решившую было не заморачиваться столь незначительной на фоне несработавшей офуда мелочью, уже не волновало ничего: ни кто такая эта Яреци, ни её происхождение - хотя Судзуки только что собиралась задать вопрос о её национальной принадлежности, с упором на приметную даже в разношёрстной монастырской братии внешность, - ни её явно паршивое настроение, ни её поездки да возвращения, ни даже комплекция. Девушка, будучи ростом пониже, спортивным телосложением Хидну превосходит, что ясно с первого взгляда. Но когда последнюю это пугало?

- Мотидзуки - достойнейшие люди из всех, да, кого я знаю, - демонстративно отвернувшись от длинноволосой брюнетки, прохладным тоном парировала Сан, ни на йоту не изменившись в лице и не потрудившись уточнить, что пока знает лично только одного представителя своего нового клана. Для Хидны это досадное упущение является лишь дополнительным поводом урезонить грубиянку, ничем свои слова не подтвердившую; напраслину же, брошенную в адрес Джуна, спускать она не намерена и подавно. - Мотидзуки-сан и Доминика-доно как-нибудь разберутся в своих семейных отношениях и без меня. А без вас, Фернандез - тем более.

Яреци Фернандез

- Мотидзуки - достойнейшие люди, - передразнила девушку Яреци. - О, конечно. Просто сама благодетель, - фыркнула она, тоже отвернувшись. Ну и ладно, можно не переходить на другую сторону реки, а просто пойти обратно. Поговорила, и хватит. Да и Мотидзук слишком много развелось.

Яреци некоторое время смотрела под ноги, на землю, и думала, что делать дальше - уйти или продолжить общение с этой девчонкой, очередной Мотидзуки. Если продолжать, то что говорить, о чем? Если уйти, то не получится, что она снова кому-то помешала своим присутствием? Яреци прикрыла глаза и стала вспоминать. Тору

редко с ней разговаривал. Он первым почти никогда не поднимал какую-нибудь тему, не начинал разговор. А еще он общался со своей первой женой и даже один раз изменил с кем-то. В то время как Яреци вообще никогда не думала об измене или просто общении с противоположным полом. Да, Мотидзуки все благородные и правильные.

В груди, где-то в солнечном сплетении, снова, как когда-то очень давно, появилось непонятное чувство. Яреци вздрогнула и открыла глаза. Повернулась к ручью и посмотрела на воду. Стихия, которую когда-то давно она считала своей родной, любимой, уже не успокаивала. Внутри зарождалось что-то новое, опасное. И вместе с этим хотелось высказать все, что накопилось. Но разве кто-нибудь поймет ее? Если даже папа сказал, что во всей этой ситуации неправой была только она. А Тору - он хороший. И Джун тоже хороший. А она плохая, и с ней он видаться не хочет.

- И как же Джун вас подцепил? - резко спросила Яреци, глядя на девушку.

Хина Мотидзуки

- Да, достойнейшие. Да, благодетель. Я имею веские причины считать именно так и никак иначе. - кем бы ни была эта дамочка по имени Фернандес Яреци на самом деле, пока что она старательно создавала себе в глазах праведно возмущённой Хидны образ мастера спорта по стрельбе в собственную голову - и такими темпами имела отличные шансы в определённый момент доиграться, чересчур беспечно проверяя на прочность нервы полукровки. Пусть та не владеет никакими особыми силами, кое-как освоив лишь простейшую офуда - и даже бумажный компас летает с переменным успехом, что подтвердилось несколькими минутами ранее, - но всё-таки узнавать напряжение в сети, забравшись в розетку шпилькой вместо мультиметра и не озаботившись ни изоляцией рук, ни наличием приправы к жареной человечине, по меньшей мере просто глупо.

Огонёк за солнечным сплетением младшей Судзуки тем временем успел разгореться настолько, что его уже можно назвать полноценным, пусть и маленьким, костром. Желая немедленно расставить все точки над "джи", разрешив возникший на ровном месте и исключительно с подачи черноволосой хамки конфликт, девушка развернулась к оппонентке и, напоровшись на очередной острый взгляд, сошла с моста на землю - грудью на штыки, напрямик к сверкающим серым глазам.

- У вас, да, есть какие-то претензии к Мотидзуки-сенсею и ко мне? - не теряя времени зря, Хидна поставила вопрос ребром, подойдя к провокаторше почти вплотную, но ещё способная сдерживаться. Неписанные правила поведения в монастыре хафу знает назубок, систематически нарушая только установленный для обитателей в статусе ученика режим дня, однако терпение её не бесконечно. Нагруби Фернандес ей самой - Сан, привыкшая к нелестным обращениям в свой адрес в "прошлой жизни", ничуть бы не разозлилась и, скорее всего, просто ушла. Но брюнетка шаг за шагом продолжает ступать на запретную территорию, и всё естество новоиспечённой Мотидзуки, при поддержке закипающей Манипуры, требовало заставить её ответить за свои слова, доступно обозначая последнее китайское предупреждение. - Вам стоит извиниться за клевету.

ㇿ /ji/ (яп.) - символ каны.

Яреци Фернандез

- Мотидзуки-сенсей? - Криво усмехнулась девушка. - Благодетели и достойнейшие из всех достойнейших. Двучленные твари. Когда им нужна помощь, они ласковые, нежные. Я, беременная привезла Джуна сюда. У него появился шаманизм. Я помогала Тору, которого когда-то любила, очень сильно любила, когда умер его отец. Я простила Тору, когда он чуть не изменил мне. Я спокойно следила, как Тору общается со своей бывшей женой. Но стоило мне один раз оступиться, как он отвернулся от меня. Эти благодетели обвинили меня, сделали меня виноватой. Конечно, они же святые, они всегда правы!

Яреци в свой монолог вложила весь холод, на который была способна. На последних словах голос задрожал. От негодования и ненависти, а также от сильной боли. На глаза начали накатывать слезы, и девушка поморщилась.

Яреци смерила оппонентку холодным взглядом и отвернулась. В воспаленном мозгу появлялись разные события, которые навсегда останутся в памяти. Секта - самое яркое событие. Тору сказал, что она была в этом виновата. Джун тоже об этом сказал. Даже папа был на их стороне. Дядя сильно ругался, но хоть чем-то помог. А они... никто из Мотидзуки не помог ей. Конечно, она же сама ушла в секту. Она спасла своего брата, который чуть не убил Дарсию. Конечно, она должна была смотреть, как Стефано уничтожает ее родственника. Тору обвинил ее в том, что она бросила дочь. Она не хотела постоянно сидеть с Кимико. Но Тору всегда был занят, ему махать своими палками было интереснее, чем хоть немного облегчить ее быт. Конечно, в Японии жена должна молча сидеть в своем углу и убаживать своего господина...

Яреци застонала и стиснула голову руками. Было ощущение, что голова сейчас разорвется. По спине прошел противный холодок.

- Я не буду извиняться ни за что. Это бесполезно, - прошипела она, развернувшись и посмотрев на Хину.

Хина Мотидзуки

Девушка по имени Яреци не оступила. Возможно, не почувствовав угрозы, и справедливо: младшая Судзуки выглядит более чем безобидно. Ну, подошла высокая и сухощавая девчонка-одуванчик, одетая в стандартные монастырские одежды и резко контрастирующие с ними белые истёртые кроссовки на босу ногу. Да, выражение лица, выдающего с потрохами смешанное происхождение, несколько необычное, а мягкий голосок, похожий на мерные звуки течения ручейной воды за её спиной, отдаёт прохладцей - ну и что? На унылой неулыбчивой физиономии никак не отражается то, что её постепенно, зато очень старательно доводят до белого каления, а руки, сжимающие скромную деревянную коробку с принадлежностями для каллиграфии и дефектный листочек офуда, беззаботно сложены за спиной.

Но вместо того, чтобы прислушаться к разумному предложению Судзуки и согласиться - Хидна и здравый смысл, фантастическое же сочетание, - неугомонная,

разнервничавшаяся ни с того ни с сего брюнетка пошла в своих бессмысленных оскорблениях ещё дальше. Встреча двух, судя по всему, полных противоположностей иначе закончиться уже не может: Яреци с каждым новым мгновением всё сильнее стремится опробовать самого упитанного леща, какого приёмная Мотидзуки сможет выловить сачком из пылающей воронки Манипуры.

Сан стоит молча - слушая длинный монолог, в котором раз за разом повторяется незнакомое имя, мелькает и имя сенсея, а также бессмысленные сейчас факты чужих биографий, до которых ей нет никакого дела, - и шевелит пальцами ног в кроссовках. Разбушевавшуюся жёлтую чакру словно что-то из всех сил сдерживает, пытается успокоить: Судзуки воспринимает это как ощущение покалывания в стопах. Со стороны, наверное, сценка выглядит так, будто девушка просто терпеливо ждёт, пока её шумная и эмоциональная собеседница не выговорится.

...твари? И Мотидзуки Джун?

Фернандез обхватила обеими руками собственную голову - зря, - и, не затягивая, подписала себе приговор категорическим отказом. Пользуясь небольшим преимуществом в росте, Сан стремительно, без замаха, отправляет выверенным апперкотом левый кулачок со сжатой в нём офуда на столкновение с животом грубиянки - прямо под свод рёбер, чуть ниже грудины, в мягкое солнечное сплетение. Да, телосложение эктоморфа не предполагает развитой мускулатуры, но недостаток силы бывшая гимнастка с лихвой компенсирует скоростью движений. Корпус полукровки, уверенной, что после воспитательного воздействия Фернандез как минимум несколько секунд будет недееспособна, плавно наклоняется чуть вперёд, вслед за рукой.

- Будем считать, что извинения принесены, да?

Яреци Фернандез

Голова сильно болела, казалось, что еще немного, и она разлетится к чертям. Интересно, а можно жить потом, если вместо мозгов будет каша? Хотя наверное можно. Папа же ее называл несколько раз в последних разговорах безмозглой дурой. Значит, без мозгов жить можно. Хотя есть у нее живой пример. Маркус, например.

Яреци пыталась справиться с головной болью, поэтому не обратила внимания, как рука очередной Мотидзуки сжалась в кулак. Яреци почувствовала боль в солнечном сплетении, может быть даже чуть ниже. Она была неожиданная, сделанная будто исподтишка, и очень унижительная. Яреци задохнулась - от боди и возмущения - и нельзя было сказать, от чего она задохнулась сильнее.

Убрав руки с головы, девушка посмотрела на обидчицу холодным взглядом. Отступила на два шага назад. Нити Аджны потянулись к сознанию новоявленной Мотидзуки, но остановились, только коснувшись незащищенного сознания. Яреци могла бы причинить этой наглой драчунье боль, отдать какой-нибудь приказ, заставить о чем-то забыть, но не стала этого делать. Потому что это незаконно. В монастыредраться нельзя. Ее могут за этот проступок выгнать, и тогда у нее совсем

не будет места, в котором можно побыть. Яреци хмыкнула и убрала нити. Сжала руку в кулак. Драться тоже нельзя. Ничего нельзя. И ведь она в любой ситуации окажется неправа.

Говорить ни с кем нельзя. Показываться людям нельзя. Если бы она умела пивращаться, было бы проще. Она бы ушла и старалась жить с себе подобными. Здесь ей не место. И ведь самое печальное, что если она ответит чем-то и их кто-нибудь увидит, то в разбирательстве будет ясно, что Яреци виновата. Нарушила правила. А Хина... она же Мотидзуки. Им все можно. И просто бить тоже.

В любом случае ее уже могут выгнать из монастыря. И в солнечном сплетении разгорается что-то. Боль не угасает. Наоборот, она становится другой. Обволакивающей. Вместе с болью просыпается ярость. Ее ударили. Просто так. Надо ударить в ответ. И пусть будет все, что будет. Плевать. Весь монастырь будет за Мотидзуки.

- Ненавижу, - прошипела она. Ногти впились в кожу, когда Яреци сильнее сжала кулак, и этот кулак полетел на обидчицу. Огонь разрастался, и она почувствовала, как он течет по руке...

Джун Мотидзуки

Сегодняшний день обещал стать типичным днем в монастыре, наполненным размеренной сытой жизнью. Причем сытой как в прямом, так и в переносном смысле, поскольку активно реализуемое обещание Доминики следить за его весом давало свои положительные плоды, а все время от времени возникающие трудности казались настолько незначительными, что никак не мешали получать удовольствие от каждого прожитого часа. Не так важно, проходили ли эти часы рядом с любимой женой или за какими-то интенсивными занятиями, вроде активного изучения офуда. Последнее Джун сейчас интересовало в особенности, поскольку везде таскать с собой набор для каллиграфии ему порядком надоело. Молодой шаман уже немало практиковался к этом направлению, и вот сегодня его очередной поход в библиотеку дал свои ощутимые плоды.

Тренируясь на относительно простых заклинаниях, в качестве экспериментального варианта Джун выбрал дарующего тепло "феникса", мягко нацарапав карандашом на листочке заранее приготовленного блокнота знакомые иероглифы. И если раньше результаты подобных занятий особенно не впечатляли, то сейчас от листа пошло вполне себе ощутимое тепло, как если бы вместо карандаша использовалась кисть для каллиграфии, вызвавшее у Джун чувство близкое к эйфории, которым он и поспешил поделиться с Доминикой.

Но его путь от храма до ставшего уже совсем родным дома был прерван некрасивой сценой рядом с небольшим мостиком через ручей, условно разделяющий территорию монастыря на две части. И героини этой сцены были молодому шаману более чем знакомы, вызывая нехорошие подозрения о возможным развитием событий, если он вовремя не вмешается. Которые моментально начали воплощаться в жизнь, когда Хина зарядила кулаком Яреци в живот, а та решила ответить ей чем-то еще похуже, как подсказывали тревожно загудевшие духи.

- А ну стоять, это ограбление! - Не имея способностей магов воздуха перемещаться с невероятной скоростью или сдуть любительниц подраться, Джун сделал самое первое, что ему пришло в голову - крикнул нечто нелепое, чтобы переключить внимание на себя там, где обычные окрики могли просто не сработать. - У меня блокнот и карандаш, и я очень опасен.

Кричал Джун практически на ходу, догадываясь, что его своеобразная стратегия могла дать сбой. Но даже если бы она помогла выиграть хотя бы несколько секунд, у него появилось бы больше шансов предотвратить опасную для участниц конфликта стычку, причины которой, как он догадывался, крылись в фамилии, с его легкой руки обретенной девушкой без прошлого.

Хина Мотидзуки

Почти сразу же после проведенного акта справедливого возмездия становится очевидно, что Сан значительно переоценила доступную ей физическую силу. Как и полагается, после неожиданного и хлесткого удара по солнечному сплетению темноволосая Фернандез на пару мгновений вышла из строя, пригнувшись и попятившись, но вернулась в норму куда быстрее, чем того ожидала полукровка. Более того - противница собирается контратаковать.

- Хоть обненавидьтесь, да, - успевает негромко буркнуть младшая Судзуки, восприняв последнее слово Яреци на свой счёт и, словно в режиссёрской раскадровке, следя за движением её руки, покрывающейся... Нет, самых разнообразных магических явлений, в том числе и стихийных, Хидна в монастыре уже навидалась, а потому языки пламени, охватывающие кулачок разозлённой и жаждущей мести брюнетки, её не удивили. Но через какую-то долю секунды молодая хафу с ненастоящим именем впервые осознала, что магию можно использовать во вред, в качестве оружия нападения - и сейчас непокорную, разрушительную стихию стремились применить именно против неё.

Пресс, поясничные, бедренные и ягодичные мышцы рефлекторно напрягаются; слитным движением тела назад-влево, перенеся вес на левую ногу, вывернув грудь перпендикулярно направлению удара и откинув торс, Сан отшагивает правой стопой назад и уходит от нацеленного прямо ей в лицо кулака, улавливая где-то позади... знакомый голос! И пусть он выкрикивает какую-то совершенно неуместную нелепицу, слышать его куда приятнее, чем звуки собственного, искажённого костями черепа - Хидна неизвестно откуда точно знает, что на самом деле, на записи, он повыше и менее выразительный, - и уж, тем более, чем приглушённый злобный рык набросившейся девушки.

Нестерпимо хочется обернуться. Завершить сначала манёвр уклонения, или же прямо сейчас глянуть в том направлении, откуда доносится клич, отведя глаза от атакующей противницы? Ну конечно, второе. Разве можно поступить иначе?

Пронёсшийся мимо головы кулак, объятый пламенем, вскользь зацепил ухо: задетые мимоходом каштановые пряди на виске затрепетали, точно от сильного порыва ветра. Ноздри карикатурно задранного вверх носа улавливают отвратительный запах подпаленных волос, но его курносую обладательницу столь незначительная ерунда волнует теперь в последнюю очередь, как и последующие

возможные действия промахнувшейся Фернандез.

- Мотидзуки-сан! Рада вас ви-идеть, да! - радостно воскликнула полукровка, при виде приближающегося молодого человека мгновенно преображаясь в лице, на котором расцветает счастливая улыбка, и развернулась к нему, помахав над головой измятой офуда и беспечно открывая только что нападавшей противнице спину. Руки, удерживающие никуда не годный клочок бумаги и небольшую коробку, что девушка так и не выпустила, словно сами собой вытянулись вперед. - Я же и без угроз карандашом готова вам всё отдать, да!

Яреци Фернандез

Ярость была сильнее здравого смысла, а голос, возникший где-то вдалеке, оказался сильнее ярости. Хотя она поняла, чей это был голос, и это, вероятно, ее на секунду дезориентировало. В результате кулак заехал по волосам наглой девчонки, опалив их, а сама Яреци, потеряв равновесие, сделала пару шагов по инерции, споткнулась о ветку и упала, повредив руку. Запястье сильно болело. И оолова раскалывалась. А еще было страшно, глядя на тлеющий листик, валяющийся неподалеку от нее.

Но ярость не проходила. Смущение и боль не смогли убить эту ярость, которой никогда раньше не было в ее душе. Яреци всегда была спокойным и тихим человеком, старалась помогать, ухаживать, училась создавать быт, чтобы всем было хорошо. Но Тору не нужны были ее забота и сочувствие. Ему нужна была безмолвная жена, которая без слов поклоняется своему господину и не имеет права возразить. Она поехала в Японию только потому, что Тору было тяжело ехать туда одному.

Она была виновата в том, что тогда в горах ранили Тору. Ведь он не хотел, чтобы она уходила в деревню. Она должна была слушаться его, зачем ей вообще было куда-то уходить? А так из-за нее пострадал Тору. А тот случай в горах, когда Стефано хотел сбросить Маркуса с гор. Ей приснилось что-то подобное. А, Тору же не нравились ее способности. Да, зачем просматривать нити людей, к которым Тору совершенно безразличен?

Яреци горько вздохнула и прикусила губу, чтобы не разреветься. Хотя она и без того постоянно ревет. Она хмыкнула и осторожно встала. Обернулась к Джуну и этой девчонке, которая бежала к нему.

- Они любят собачек, - ухмыльнулась Яреци. - Служи им хорошо, а то они могут тебя вышвырнуть за ненадобностью. А тебе, - она высокомерно посмотрела на Джуну, - какое дело? А, точно. Я же имела неосторожность говорить с твоей собачкой.

Девушка замолчала и снова прикусила губу, потому что могла в любую минуту разреветься. Она не хотела показывать свои слезы никому. Все равно она будет виновата.

Джун Мотидзуки

Разношерстные обитатели монастыря далеко не всегда проявляли друг другу любовь или хотя бы дружелюбие, но за проведенные здесь годы свидетелем реальной стычки с использованием, пусть и не слишком убедительным, магии Джун

становился впервые. Тем удивительнее было видеть, что в ролях местных буянов выступали две девушки, додумавшиеся нарушать все мыслимые и немыслимые правила, рискуя при неудачном развитии событий составить в деревне компанию еще одному любителю пылкать на людей огнем, чья история до сих пор казалась шаману верхом идиотизма.

- Хина-чан, единственное, что я могу с тебя спросить - это ответ за творящиеся безобразия. - В несколько быстрых шагов Джун добрался до девушек, заняв место практически между ними, дабы пресечь все возможные попытки продолжить разбирательства, и первым делом обратился к своей названной родственнице. - И я тоже рад тебя видеть, но предпочел бы столкнуться с тобой в несколько иной ситуации. - Джун в качестве воспитательного момента ненадолго замолчал, окинув девушку осуждающим взглядом, а затем добавил. - Я доверил тебе фамилию, надеясь, что ты будешь относиться к ней со всей ответственностью, а не пытаться стать первой Мотидзуки, вылетевшей из монастыря за нарушение правил.

Говорил Джун без тени своей обычной улыбки, пусть и ни капельки не злился на Хину. Идя выбранным путем, девушка могла на пустом месте нажить себе кучу неприятностей, а значит следовало ее немного оттормозить, постаравшись не задавить стандартными рассуждениями, которые легко и быстро забывались, а зацепить чем-то более или менее личным.

- А теперь, Яреци, - Джун повернулся к своей бывшей родственнице, чьи способности к магии огня стали для него настоящим открытием. - Ты вообще соображаешь, что творишь? Ты должна пример подавать ученикам, а не драться с ними. За такое тебя запросто могут лишиться мастерского статуса. - Естественно, сам Джун не собирался никому сообщать о представшей его глазам некрасивой картине, но в монастыре хватало прорицателей, способных увидеть то, что другие предпочли бы тщательно скрывать.

- И еще, Хина не собачка. Даже если ты злишься на весь мир - это не повод оскорблять людей, о которых ты ничего не знаешь.

В свое время, когда Джун был еще очень молод и глуп, он пытался помочь Яреци посмотреть на происходящие в ее жизни события не только под привычным для нее кривым углом. Но потерпел поражение. Как, впрочем, и все остальные, о чем отчетливо говорило настроение девушки, наконец начавшей жить свободной жизнью, которую у нее, согласно некоторым рассуждениям, украли ранние беременность и последовавшее за этим замужество.

Хина Мотидзуки

Не обращая ровно никакого внимания на свалившуюся за спиной девушку, словно та физически перестала существовать сразу после безуспешной контратаки, Хидна продолжала пожирать глазами направляющегося к ним молодого Мотидзуки, улыбаясь самой светлой улыбкой, которую только могли изобразить её мимические мышцы лица. Стоило Джуну приблизиться, точно щитом вставая между незадачливыми драчунями, как она, на правах младшей родственницы, быстро уселась на пятки и аккуратно пристроила ручную кладь слева от себя. Фернандез, в свою очередь, поднялась на ноги; выражение лица сенсея ясно даёт понять, что кое-

кому сейчас придётся держать ответ за несдержанность, но Сан не переживает, уверенная на все сто процентов - Джун её поймёт и поддержит, нужно лишь обрисовать ситуацию.

- Мотидзуки-сан, да, простите меня! Я нарушила правила, подвела вас и согласна на наказание, но... - появление одного из двух самых близких людей среди всех обитателей тибетского монастыря, ставшего Сан домом, окончательно выветрило из головы хафу, оперевшейся руками о землю и низко склонившей голову, все мысли о нелепой стычке. В этот миг силы заспанной, тягучей Муладхары наконец иссякают, и успокаивающийся в присутствии Джун, но теперь ничем не удерживаемый вихрь Манипуры пользуется шансом, горячими струйками пробегаая до кончиков пальцев девушки и окрашивая их сполохами пламени - а рапортующая оправдательную речь Хидна, опустив глаза, того даже не замечает. Какие там чакры, ну их в танукину нору... магических сил Судзуки лишена. Вот поесть бы стоило: в верхней части живота что-то бунтует, и очевидно, что это желудок, истосковавшийся по столовой, требует обеда.

- Но... я не могла поступить иначе! Вы, сенсей, и остальные Мотидзуки не... я даже слов таких, да, повторить не могу! - хоть собачка, хоть тануки, кицунэ, да хоть аканамэ; Сан абсолютно всё равно, какими нелестными словами её наречёт жгучая во всех смыслах брюнетка. Но когда с ней в один ряд, последовательно оплёвывая, ставят дорогих людей... Средоточие жёлтой чакры отбрасывает в сторону ещё одну искорку, издевательски находя самую уязвимую жертву: лежащий рядом смятый бумажный лист вспыхивает, почти как давешний булыжник, что Джун поджигал с помощью магии офуда.

Дальнейшие слова названного родственника, адресованные уже не ей, заставляют полукровку приподнять голову и задрать левую бровь в вежливом недоумении. Мастерский статус? Это она-то, Фернандез Яреци, не следящая за собственным языком - мастер? Вот суровая Бо-сама - другое дело. Мама Тео, Грей-сама - тем более. Тут младшая Судзуки ловит носом запах жжёной бумаги и замечает догорающее слева от неё нечто, лежащее точно там, где только что находился скомканный листочек. Да, он уже, вероятнее всего, никуда не годился, но... Ладони на земле машинально сжимаются в кулаки, а взгляд Хидны, брошенный снизу вверх на недавнюю оппонентку, не сулит ничего хорошего. Пусть только попробует прикоснуться своими фокусами ещё и к коробочке...

Аканамэ 垢嘗 (яп.) - банный дух, пожиратель грязи.

Яреци Фернандез

Какая прелесть. Мотидзуки вместо того, чтобы укрыть одеялом свою собачонку, отчитывает её. Яреци хмыкнула и почувствовала, что ярость никуда не хочет отступать. Это было бы странно, но не сейчас. Сейчас не было никакого страха, что её могут лишиться мастерского статуса, да и выгнать из монастыря. Она уже научилась жить сама, не прося ни у кого помощи и не помогая никому. Если её выгонят, то она просто уедет обратно. Конечно, придётся унижаться перед Питером, но разве не это она делала с семнадцати лет, когда узнала о беременности? Дальнейшая её жизнь была только с унижениями, и девушка уже привыкла к этому. Она не имела права ни на что, даже поехать к папе. Потому что папа, такой плохой,

решил работать в Японии. Тору же ненавидел свою семью, страну, бывшего тестя, и поэтому Яреци приходилось только мечтать о том, чтобы повидаться с папой.

Тору мог оставить дочь Джуну, Маргарите, кому-то еще, а она... не могла даже поехать к папе. Зачем одной летать, если они были как бы семьей? Зачем вообще думать о папе или маме, если сам Тору не вспоминает свою семью?

Яреци хмыкнула - забавно, когда Тору ее бросил после истории с сектой, то сразу же приехал в Японию. И сразу у него стали нормальные отношения с родственниками, и никто его не хотел убить. Очень забавно.

- Ах да, - хмыкнула Яреци, посмотрев на Джуну, потом опустив взгляд на девушку, которая сидела на корточках. - Забавно. Впрочем, если так решит провидение, то хорошо. Здесь стало слишком много Мотидзуки. И воспитай, пожалуйста, свою, собачку, что не надо всем подряд говорить, что она Мотидзуки. Если бы она просто уступила дорогу, ничего бы этого не было. А на слова бросаться кулаками - это неправильно. Хотя да, вы же меня ни во что не ставили, поэтому да, я же, наверное, должна преклоняться перед вами.

Яреци говорила слишком спокойным тоном. В голосе был холод, ненавистный. Она переводила взгляд на Джуну и девчонку. Интересно, что будет дальше. Ее выгонят? Так и пусть. Она пойдет в деревню, что-нибудь продаст, а на деньги купит билет и улетит. Не нужен ей этот монастырь, где все живут по законам Мотидзуки. Может, им там поклоняются уже?

Джун Мотидзуки

Оправдания Хины не впечатляли, больше напоминая рассуждения сцепившейся с одноклассницей ученицы средней школы. Но Джун и ожидал чего-то подобного, а потому продолжил бы и дальше гнуть свою линию, если бы не одно "но". От его внимательного взгляда не укрылась маленькая искорка, поджегшая листочек бумаги, идентифицированный как офуда, и неоднозначная реакция девушки на подобное происшествие. А точнее, явное непонимание, что не только недавняя оппонентка способна пылать огнем, как знатный Бармаглот. И с этим надо было как-то разбираться и, судя по всему, именно ему, поскольку желающие наняться с новой Мотидзуки даже и не думали строиться в очередь к потенциальной ученице.

- Произошедшее мы с тобой еще обсудим, - пока не были решены все проблемы с Яреци, Джун предпочел ограничиться общей фразой, чтобы не запутывать ситуацию еще сильнее, после чего все внимание переключил на бывшую родственницу.

- Яреци, - если раньше Джун старался смягчать свои слова, то сейчас, признав полнейшую неэффективность попыток достучаться до разума окончательно погрузившейся в свой альтернативный мир девушки, позволил себе открыто выражать мысли. - Перестань поливать грязью других людей и посмотри на себя. Сейчас ты свободна от всяких там Мотидзуки, но почему-то не лучишься счастьем. Может, дело в том, что ты сама и виновата в большей части своих проблем? Прими, наконец, что все вокруг не вращается вокруг тебя и живи себе спокойно, как пожелаешь. А если не получается, сходи в лазарет и поговори с опытными врачевателями. Есть вариант, что происходящее с тобой лежит как раз в сфере их

компетенции.

Пожалуй, первый раз Джун говорил с девушкой так грубо, намекая на ее проблемы с головой. Да еще и при наличии свидетельницы в лице ученицы. Но в данной ситуации он просто не сдержался, чтобы не высказать свои мысли прямо. На его взгляд, с каждым годом Яреци вела себя все страннее, выдавая совершенно дикие и нелепые рассуждения, базирующиеся на какой-то антилогике. И все бы ничего, но ее сегодняшняя агрессия напомнила шаману историю бабки Цэрин, чье прогрессирующее безумие привело к смерти нескольких человек, включая ее собственную, а через многие годы изломанной психике несчастного мальчика-шамана. И ему совсем бы не хотелось, повторения даже десятой части того ужаса уже с его собственной семьей по причине како-нибудь упущенной сейчас шизофрении.

Хина Мотидзуки

Конечно же, Хидна - никакая не Мотидзуки. Она и сама это хорошо понимает. Но не этой Фернандез Яреци ей указывать, перед кем, как и когда себя называть. Не ей решать, достаточное ли количество носителей фамилии Мотидзуки в любом статусе - например, Доминика-доно, жена сенсея, свою фамилию не сменила, насколько хафу было известно, - так или иначе обитает в монастыре. Не ней подвергать сомнению решение Джуну принять безымянную девушку под своё крыло. И вообще... может быть, прошлая жизнь Хидны - той, кем она была до момента, когда очнулась недалеко от незнакомой тогда деревеньки по пути к Храму, будучи не в состоянии даже дать ответ на простой вопрос "кто я?" - так и останется затерянным в непроглядном тумане небытия? Случись подобное, хафу, уже привыкшая к новому статусу, готова прожить остаток жизни, идентифицируя себя Хиной и впредь, да ещё десять раз усомнится, если кто-либо станет утверждать, что был с ней знаком "до", просто нужно хорошенько покопаться в памяти. Теперь она Мотидзуки Хина, и точка!

- Как... как скажете, сенсей. Но я сразу уступила ей дорогу. А позволять оскорблять вас кому бы то ни было, да, я не намерена, - очень огорчённая тем, что умудрилась доставить Джуну проблем, но в то же время искренне не понимая, что сделала не так, даже с учётом явного несоответствия её поступка правилам поведения в монастыре, младшая Судзуки поднялась с колен на ноги и наклонилась за коробочкой с принадлежностями для письма. Своих намерений на её счёт Мотидзуки-сан не озвучил, извиняться перед наглой брюнеткой не потребовал, но и на все четыре стороны не отпускал: хафу ограничилась виноватым поклоном учителю и, понутив голову, отошла в сторонку, даже не взглянув на ту, по чьей вине она, возможно, упала в глазах наставника, защищая честь его фамилии.

Верхняя область живота, где-то под смыкающимися рёбрами, продолжала вести себя подозрительно. Расстроенная девушка поскребла пальцами руки, свободной от деревянной коробки, куртку чуть ниже груди, не прислушиваясь намеренно к чужому разговору, но и не витая в облаках: чёрт поймёт эту ненормальную, вдруг она ещё и на Джуну посмеет накинуться? *"Сейчас свободна от всяких там Мотидзуки"*... она что, когда-то была частью семьи?!

Яреци Фернандез

- Ну так иди и жалуйся, - фыркнула девушка. Господи, да лишат её мастерского

статуса, выгонят из монастыря, тем лучше. Она уедет и не будет слышать эту фамилию, от которой ее уже тошнит. Она ненавидит ни эту фамилию, ни людей, носящих эту фамилию. Их стало слишком много.

- А ты, - она бросила взгляд на девушку, которая как собачка заискивающе просила прощения у своего хозяина - отвратительно и мерзко, - не забеременей от них. А то они ребёнка оставят себе, а тебя выгонят, если ты не будешь сидеть тихо и ублажать их.

Решив, что и так сказала слишком много, Яреци, чья ярость стала более сдержанной, несмотря на эмоции и слова, брошенные Джуном, развернулась и направилась дальше. Ей больше не о чем было говорить с ними. Мотидзук стало очень много, и надо проваливать из этого монастыря. Она не будет ни о чём жалеть. Не будет. Никогда. У неё другой путь, не связанный с этими Мотидзуками, интересный и полный счастья. Она уйдёт, и они будут спать спокойно.

Единственное, о чём она жалела, и сейчас, когда ярость потихоньку угасала, что происходило по мере отдаления от Джуна и его собачки, так это о том, что никто ей не помог, когда она была в опасности. Самый близкий на тот момент человек ее бросил, сказав, что она не нужна ему больше, что он не хочет ее знать. Он не знал, что после этих слов она вскрыла себе вены, но ее спас Маркус. Тору многого не знал и, кажется, не простил ей того, что в тот день Кимико убежала из сада и чуть не попала под машину.

Яреци продолжала свой путь, отдаляясь от собеседников. Магия огня грела, что было странно. Они приняли друг друга, надо теперь жить с этим.

Джун Мотидзуки

Несмотря на некоторые перегибы со стороны Хины, Джун вполне мог понять причины ее поведения и если не одобрить, то, хотя бы, посочувствовать некоторым решениям. Названная Мотидзуки не походила на скандалистку и, судя по всему, в этой ситуации действовала согласно своим представлениям о правильном и неправильном. Но даже с учетом смягчающих обстоятельств произошедшее не могло быть оставлено без внимания, если молодой шаман не хотел потерять новую "родственницу" столь же быстро, как ее обрел. Но до воспитательных и прочих значимых моментов все же стоило закончить с Яреци, упорно стоящей на своем и продолжающей называть новоявленную соратницу по магии огня собачкой.

- Хватит уже фантазировать, ты сама оставила своего ребенка, - бросил Джун в сторону бывшей родственницы, не выдержав абсолютно не соответствующего действительности бреда. Но та уже толком его и не слушала, предпочтя отправиться своей дорогой и оставив после общения с ней некоторое чувство недоумения, как приятная и искренняя девочка умудрилась превратиться в какую-то гротескную карикатуру.

- А теперь разберемся с тобой, - Какое-то время Джун молча смотрел Яреци вслед, а затем тряхнул головой, пытаясь снять наваждение, и повернулся к Хине, к счастью, не ставшей переводить провокации со стороны бывшей Мотидзуки в новый виток конфликта. - Нам нужно обсудить ряд важных вопросов, начиная с запутанных

отношений в семье, к которой ты примкнула, и заканчивая опасностями, связанными с подобными стычками. Но давай переберемся в более удобное место для разговоров.

Джун кивнул в сторону беседки, расположившейся на берегу ручья, где можно было присесть и обговорить все важные моменты, и, дождавшись пока Хина подтвердит согласие с его планом, первым проследовал к указанному месту. Ну а его новая "родственница", как и ожидалось, направилась следом, тем самым окончательно закрепляя над собой добровольное шефство Джуна, имеющего обыкновение в каждую вторую, если не первую, историю влезать по самые уши.
